

В эпоху информационной революции главную роль в политике начинают играть культурно-информационные технологии. Символическая культурная гегемония в информационном обществе приобретает сегодня значение решающего ноосферного оружия. Битву идеологий сменила битва имиджей, и сегодня вопрос влияния и престижа символического капитала национальной культуры в мировом информационном пространстве во многом определяет авторитет и влияние страны на мировой арене.

Имидж России сегодня становится реальным и чрезвычайно важным ресурсом ее экономики и политики, торговли и финансов. Этот процесс происходит в связи с ростом значения информации для обеспечения конкурентных преимуществ современных стран в мировой политике. Позитивный имидж России, ее репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах могут стать основополагающими факторами продвижения национальных интересов страны на мировой арене, важнейшим конкурентным ресурсом нашей страны.

Список литературы

Барабанов О. 2014. После Крыма: визуальный гротеск российских социальных медиа – *Россия в глобальной политике*. № 3. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Posle-Kryma-vizualnyi-grotesk-rossiiskikh-sotcialnykh-media-16683 (проверено 14.06.2014).

VASILENKO Irina Alekseevna, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the Department of the Russian Politics, Lomonosov Moscow State University (Lomonosovskij prospect, 27, bld. 4 «Shuvalovskij», Moscow, Russia, 119991; vasilenko.irina@mail.ru)

FORMATION OF THE NEW IMAGE OF RUSSIA AFTER CRIMEA: PARADOXES OF INFORMATION WAR

Abstract. The article is devoted to the analysis new trends of the Russian image politics, which appeared in the post-Crimean information war. The author emphasizes that after the Western post-Crimean information attack Russia met the serious political support among its Eastern allies: the BRICS and EAEC. Today the demonstrative Russian turn to the East is an important counterweight to the Western pressure on Russia after Crimea joining. The author stresses the need of formation of the national image policy strategy at the state level and the necessity of monitoring its implementation. Merely a professional image policy can be really an efficient one.

Keywords: image policy, image strategy, information war

References

Barabanov O. After Crimea: the Visual Grotesque in Russian Social Media. – *Rossija v global'noj politike*. No 3. (In Russ.) URL: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Posle-Kryma-vizualnyi-grotesk-rossiiskikh-sotcialnykh-media-16683 (accessed: 14.06.2014).

КАНДЕЛЬ Павел Ефимович – к.и.н., руководитель Центра этнополитических и межгосударственных конфликтов Института Европы РАН (125993, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11-3В; hpekan@yandex.ru)

О НАЦИОНАЛИЗМЕ И «БРАТСКИХ НАРОДАХ»

Аннотация. Русофобия украинского национализма кажется иррациональной среди братских народов, родственных по языку и культуре. Но сопоставление с украинским национализмом его югославских аналогов показывает их высокую типологическую общность: роль главного врага навязывается наиболее близкому народу. Когда цель – обособление, а реальных различий недостает, их наращивание любыми средствами становится для националистов насущной потребностью. Тогда именно близкое родство оказывается фактором, который «от противного» дополнительно стимулирует противопоставление и

разъединение. Для преодоления естественной общности требуются удвоенные искусственные усилия. В результате историко-культурная, духовная и языковая общность не только не гарантирует от межэтнической и даже субэтнической вражды, но многократно ее усиливает.

Ключевые слова: украинский кризис, национализм, близкородственные народы, историко-культурная общность

В современном украинском кризисе неприятным открытием для многих стала оголтелая и кажущаяся иррациональной русофобия украинских националистов. Она выглядит особенно противоестественной и странной, поскольку речь идет о народах, которые по праву принято именовать братскими. Логичным ответом стало подчеркивание, воспользуемся словами украинского культуролога В. Радзиевского, «общекультурного родства России и Украины, многовекового единства восточнославянской субкультурной общности и сохранение общего древнерусского историко-лингвистического корня» [Радзиевский 2014: 187]. Беда только в том, что напоминания об общности корней и судеб мало помогают понять, как Украина докатилась до гражданской войны. Да и из житейского опыта известно, что отношения братьев могут быть очень разными. Что до опыта исторического, нелишне вспомнить княжеские междоусобицы времен Киевской Руси или тот факт, что многие украинские гетманы, не исключая Б. Хмельницкого и его сына Ю. Хмельницкого, уповав на помощь Москвы, одновременно не прочь были «тухнуть налево» — то ли под крымского хана, то ли под турецкого султана.

В отечественной литературе немало было писано о том, что украинский проект изначально задумывался как антироссийский при активном участии внешних врагов России (будь то Российская империя или СССР), что отчасти справедливо, хотя и сильно упрощает реальный исторический процесс. Понятно, что перипетии «национальной политики» большевиков, начинавших с принудительной «украинизации» и продолживших беспощадным искоренением «националистических уклонов», последствия коллективизации и голода или характер «советизации Западной Украины» немало поспособствовали приумножению антирусских настроений. Нетрудно понять и то, почему при считавшихся «пророссийскими» Л. Кучме и В. Януковиче украинский национализм чувствовал себя вполне вольготно. Такая политика исходила не только из электоральной географии Украины, но и имела более долговременные основы. Вряд ли нужно доказывать уже ставшую банальностью мысль, что Россия «обречена» быть центром постсоветского пространства. Стоит, правда, добавить, что такая роль будет сохраняться за ней лишь до тех пор, пока это подвергающееся все большей эрозии пространство еще продолжает существовать. Но даже исходная российскоцентричность постсоветского пространства, вызванная очевидной несоразмерностью удельных весов России и ее ближних партнеров, с неизбежностью предполагает и прямо противоположную тенденцию. Они столь же «обречены» на проведение такого политического курса и такую ориентацию внешнеэкономических связей, которые позволяли бы уравновешивать и компенсировать высокую степень зависимости от России одновременным параллельным развитием отношений с другими центрами силы, будь то США, ЕС, Китай или Турция. Можно условно назвать это «политикой неприсоединения», поскольку блистательный образец таковой дала СФРЮ времен Й. Броз-Тито. Можно обозначить ее как многовекторность или именовать как-то иначе, но суть ее от этого не меняется.

Между тем все эти рациональные соображения не объясняют ту степень одержимости русофобией, которая логически кажется ущербной даже с позиций национально-государственных интересов Украины. Ведь с этой точки зрения гораздо более перспективной была бы политика, исходящая не из напористой, но не вполне точной констатации «Украина — не Россия», а скорее из попытки создания «иной Руси», каковой эти земли фактически и являлись во времена Великого княжества Литовского до его унии с Польшей. Такой курс не только гарантировал бы внутренний мир и стабильность двуязычного и субэтнически неоднородного государства. Он создавал бы более надежные предпосылки для укрепления позиций Украины во внешнеполитических и внешнеэкономических взаимоотношениях как

с Брюсселем, так и с Москвой, позволяя и сохранить связи, и обозначить дистанцию, не скатываясь к конфронтации. Но украинский национализм смыслом своего существования сделал именно русофобию, каковую ныне пытается насильственно утвердить в качестве государственной идеологии даже ценой утраты территориальной целостности, гражданской войны и экономического коллапса. Политика самоубийственная, но «в этом безумии есть своя система», говоря словами шекспировского героя.

В системности и даже типичности подобного безумия нетрудно убедиться, обратившись к анализу событий на пространстве бывшей СФРЮ, где также наблюдалась вспышка вполне аналогичного помешательства умов. Типологическая схожесть СССР и СФРЮ (двух федераций с этнотерриториальной структурой) была заметна уже на исходе их существования [Кандель 1999: 280]. Не случайно ЕС выразил свое отношение к процессам их распада и сформулировал принципы признания новых независимых государств в одном документе¹. Более того, легко можно было обнаружить параллели и в той роли, которую играли их структурные единицы в составе этих федераций. Под этим углом зрения Хорватия в Югославии занимала примерно тоже место, что и Украина – в Советском Союзе. Не случайно действия новых киевских властей, словно под копирку, повторяют сценарий хорватских националистов при отделении от СФРЮ. Но сопоставление истории хорватского, да и других югославских национализмов с украинским выявляет еще и их высокую типологическую общность. Для всех них главным врагом, вызывавшим поистине патологическую ненависть, стал наиболее близкий и родственный народ, в югославском случае – даже говорящий на одном языке. И если хорватокатоликов и сербов-православных или босняков-мусульман, связанных общим языком, все же разделяла религия, национальная мифология и различия в исторических судьбах, то между сербами и черногорцами не было и этих разделительных линий. Между тем первой заботой и хорватского, и босняцкого, и черногорского национализмов стало разделение общего языка и искусственные попытки, для стороннего наблюдателя натужные и комичные, учредить собственные, переписать свою историю в антисербском духе, а в Черногории – еще и создать собственную церковь, отдельную от Сербской православной церкви. Склонность любого «запоздавшего» национализма к сходному языкотворению, мифотворчеству и пересозданию истории заново замечена была уже давно. Скажем, один из классиков в изучении национализма Э. Хобсбаум в своей работе «Нации и национализм после 1780 года» констатировал: «Вопрос о национальных языках крайне редко рассматривается с чисто прагматической точки зрения и еще реже – с позиций беспристрастно-объективного анализа. Доказательством этого служит нежелание признавать искусственный характер подобных языков и упорное стремление выдумывать для них историю и глубокие традиции» [Хобсбаум 1998: 65]. Приведенные им многочисленные конкретно-исторические примеры убедительно показывали, что подобное «антибратство», назовем так данную культурно-историческую и политическую практику, для всех «припозднившихся» национализмов весьма типично.

Стоит задуматься о причинах распространенности данной «противоестественности». Рождение и становление новых национальных государств всегда и везде неразрывно связано с национальным самоутверждением. Утверждение собственного национального «я» в извечной оппозиции «мы – они» всегда происходит за счет ближайших соседей. Это автоматически ведет увеличению межэтнической дистанции – сознательному и бессознательному наращиванию межнациональных различий и противопоставлений. Там же, где в реальной жизни этих различий недостает и границы смываются, а так и обстоит дело среди близких народов, у националистов возникает необходимость создать их искусственно. В рамках подобного процесса именно культурная и языковая близость, будь то югославянские или восточнославянские народы, становится фактором, который «от противного» дополнительно стимулирует противопоставление и разъединение. Для любого меж-

¹ Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union. – *Bull. of the European Communities Commission*. 1991. Vol. 24. No 12. P. 119.

языкового пограничья родственных наречий закономерно отсутствие непреодолимой грани или зыбкая, расплывчатая и плавающая граница между соседскими говорами, диалектами и языками. История живущих рядом и родственных этносов со всеми ее неоднозначными эпизодами не может быть иной, кроме как совместной. Родственным культурам свойственна повышенная степень взаимопроникновения. Столь же характерны для них двойственные и подверженные быстрым переменам идентичности, высокий процент смешанных и трансграничных браков, повышенная доступность миграции и взаимной интеграции. Между тем все это для любого становящегося национализма, цель которого – обособление, крайне неблагоприятная почва. Именно поэтому для преодоления естественной, веками складывавшейся общности, само бытование которой не только состояние (пусть даже вчерашнее), но и продолжающийся процесс (хотя бы затухающий, но все еще конкурентный), и требуются удвоенные искусственные усилия. Разумеется, любой диалект несложно провозгласить самостоятельным языком. Более того, поставив такую цель, можно ее и добиться через несколько поколений в результате сознательных многолетних усилий государства. Это ослабит взаимопонимание между соседями, но как раз такая цель и ставится.

Национальное самоутверждение всегда сопровождается и переписыванием отечественной истории. Нелишне тут вспомнить еще одного классика нациоведения Э. Ренана: «Забвение, или лучше сказать историческое заблуждение, является одним из главных факторов создания нации...» [Ренан 1902: 92]. История, искусственно очищенная от естественных противоречий, значимых развилков и разнонаправленных движений, в итоге должна быть представлена как непрерывный и однолинейный процесс развития к национальному государству как конечной цели. Пусть подобная предзаданность, чуть ли не марксистский детерминизм и мифологизация противоречат самому смыслу исторической науки, но поколения, воспитанные на таких учебниках истории, станут более податливыми к националистическому мировосприятию. Именно это мы и наблюдаем. Примечательно, что даже в рамках СФРЮ при монопольном господстве одной идеологии и одной партии попытка принять общие основы образования встретила резкое сопротивление Словении и Хорватии и закончилась неудачей. А можно ли себе представить сегодня единый учебник истории в Боснии и Герцеговине?

К тому же кровавые события недавней истории в Югославии и дня сегодняшнего на Украине остаются полем деятельности политической публицистики и средств массовой информации. Затеяв межнациональную «холодную войну», они сыграли громадную роль в разжигании войны «горячей». И память об этой войне, разная у разных народов, поддерживается на страницах и экранах *mass media*. Наконец, возникает влиятельная когорта «героев» и «жертв» этой войны. И их мировосприятие, и их интересы жизненно связаны с сохранением этих ролей – их главного социального капитала. Постоянные напоминания о событиях, которые вовсе не помогают межнациональному примирению, вряд ли прекратятся, пока эти люди не сойдут со сцены.

Вообще говоря, этнические конфликты закономерно тяготеют к насильственной форме проявления и разрешения, что заложено в саму их «технологию». Типичными фазами развития такого конфликта являются: националистическая индоктринация, сопровождающаяся созданием образа врага, а затем и «холодная война» с этим врагом; кульминация, каковую обычно выступает преднамеренно жестокая и на сторонний взгляд бессмысленная провокация, но вполне целесообразная для возбуждения массовых столкновений; далее следует организованный террор против «инородного» мирного населения. Поскольку в националистическом мировосприятии национальная консолидация представляет высшее благо, дающее моральную санкцию на любые способы ее достижения, то насилие и террор выглядят уже не случайным побочным следствием стихийных столкновений, а рациональным способом усилить национальное сплочение. Межэтнический конфликт как орудие национальной консолидации придает ей характер безальтернативного процесса и с максимальной надежностью обеспечивает националистическим силам безраздельное лидерство в собственной национальной общности. Намеренная жестокость

подобного конфликта вполне функциональна: «сжечь мосты», «повязать кровью», сделать невозможным восстановление доконфликтного состояния, лишить конкурентоспособности альтернативные варианты и ненационалистических соперников. Поскольку эти цели требуют не разрешения конфликта, а, напротив, его усиления, то утилизируется такая его характеристика, как тенденция к самоэскалации: повышение интенсивности, массовости и жестокости столкновений, увеличение числа жертв с обеих сторон.

В украинском случае ситуация усугубляется субэтническим расколом страны. Между тем и субкультурные размежевания могут достигать таких масштабов и остроты, что способны приводить и к острейшим общественным потрясениям. Поучительна в этом контексте отечественная история. Заложенный еще во времена Петра Великого культурный раскол между элитой и большинством народа послужил одним из весомых факторов конституирования противоборствующих сторон в Октябрьской революции и Гражданской войне. Он сыграл, может быть, не менее значимую роль, нежели социально-экономические и социально-политические основания поляризации. Не столь давняя гражданская война в постсоветском Таджикистане или далеко не мирные перипетии недавней киргизской революции — яркие примеры субэтнического противостояния.

Обострению субэтнического противоборства на Украине способствовало и то обстоятельство, что в украинском национализме возобладали его «галицийская» версия. Между тем Западная Украина ни по числу жителей, ни по вкладу в экономическое развитие, ни даже по языку, отличному от того украинского, на котором говорит большинство населения, не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы претензии украинцев «галицийского толка» на лидерство выглядели хоть сколько-нибудь убедительными. Следовательно, стремление к насильственному захвату власти и репрессивному использованию государственного принуждения для утверждения своего доминирования для них имманентно. Ведь в свободном соревновании проектов развития Украины, экономических регионов, разговорных языков и политических сил они попросту недостаточно конкурентоспособны.

Наконец, свои стимулы к кажущимся безумным порывистым движениям были у той группировки олигархов и связанных с ними политических сил, которые сумели оседлать национал-демократическую революцию с выраженным антиолигархическим привкусом и стать у кормила в результате низвержения режима Януковича. Чтобы закончить революцию и упрочить свои позиции, необходимо было убрать революционеров с политического поля — такова технология завершения всех революций. Ни обладающих необходимым авторитетом лидеров, ни собственных силовых ресурсов для выполнения этой «грязной» работы у новой власти не было. Но можно было направить энергию и военизированные формирования Майдана на «зачистку» русскоязычного и пророссийского юго-востока, чтобы «спалить» и реальных, и потенциальных конкурентов в огне братоубийственной войны.

Попутное истребление материальной инфраструктуры юго-востока и превращение его населения в беженцев для страны, находящейся в глубочайшем экономическом кризисе, безрассудно. Однако для слабо стоящей на ногах киевской власти — это приемлемый способ подорвать экономическую базу политических соперников и избавиться от чуждого электората.

Свергнутый Янукович, считавшийся политическим выразителем интересов юго-востока, не нашел там ожидавшейся поддержки и поспешил ретироваться. Поэтому самое глупое, что могли сделать новые киевские правители с точки зрения национально-государственных интересов Украины, — демонстративно провозгласить себя властью антирусской и «антидонецкой», спровоцировав соответствующий ответ. Но они начали именно с этого и, как показано, не без расчета. Ближайшее будущее покажет, насколько этот расчет был дальновиден.

Общий же вывод, который следует из всего сказанного, можно сформулировать так: принадлежность к одной историко-культурной, духовной и языковой общности не только не является гарантией против самой свирепой межэтнической и даже субэтнической вражды. Напротив, это дополнительно ее усиливает, коль скоро в обществе возобладал национализм, особенно «запоздалый», а потому

недозрелый и склонный к нерациональным эскападам. Чем бы ни закончился украинский кризис, российской политике придется исходить из этой неблагоприятной реальности.

Список литературы

Кандель П. 1999. Косовский кризис и этнополитические конфликты постсоветского пространства (политические и международно-правовые аспекты взаимовлияния). — *Косово. Международные аспекты кризиса*. М.: Московский Центр Карнеги. С. 280-299.

Радзиевский В.А. 2014. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: исторический и этнолингвистический экскурс. — *Россия и современный мир*. № 2(83). С. 187-196.

Ренан Э. 1902. Что такое нация? — *Собрание сочинений* (пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского). В 12 т. Киев. Типография М.М. Фиха. Т. 6. С. 87-101.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя. 119 с.

KANDEL Pavel Efimovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Head of the Center for Ethno-political and Inter-state Conflicts, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Mokhovaya Str., 11-3B, Moscow, Russia, 125993; xpekan@yandex.ru)

ABOUT NATIONALISM AND THE KINDRED PEOPLES

Abstract. *Russophobic ideas of the Ukrainian nationalism look illogic in the context of relationships between peoples which are bound by language and culture. But the juxtaposition of the Ukrainian model with its Yugoslavian analogues shows their high typological affinity: the role of a bitter enemy is imposed upon the closest nation. When the political goal is formation of a peculiar identity within a scarcity of natural differences, nationalistic politicians look for it invention and exaggeration using all tools. As a result the close affinity turns into a factor of the additional dissimilation and confrontation.*

Keywords: *Ukrainian crisis, nationalism, closely related nations, historical and cultural unity*

References

Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. (Russ. ed. Hobsbaum E. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda*. Saint Petersburg: Aleteja Publ. 1998. 119 p.)

Kandel' P. Kosovskij krizis i jetnopoliticheskie konflikty postsovetского prostranstva (politicheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty vzaimovlijaniija) [The Kosovo Crisis and Ethnic Conflicts of the Post-Soviet Space (Political and International Legal Aspects of Interaction)]. — *Kosovo. Mezhdunarodnye aspekty krizisa [Kosovo. International Aspects of the Crisis]*. М.: The Carnegie Moscow Center Publ. 1999. P. 280-299.

Radzievskij V.A. East Slavic Subcultural Community of Russia and Ukraine: a Historical and Ethno-linguistic Perspective. — *Rossija i sovremennij mir*. 2014. No 2(83). P. 187-196. (In Russ.)

Renan E. Qu'est-Ce Qu'une Nation?: Conference Faite En Sorbonne, Le 11 Mars 1882. French ed. (Russ. ed. Renan E. Chto takoe nacija? — *Sobranie sochinenij*. V 12 t. 1902. Vol. 6. Kiev. P. 87-101)
